

Встанешь пораньше — подальше шагнешь. Кто рано встаёт, тому Бог подаёт. И других таких пословиц о пользе раннего вставания много. А моя эта привычка вставать рано в самом прямом смысле спасала всю мою московскую жизнь.

Москва. Московская интеллигенция оживляется к вечеру и звонит друг другу до самой поздней ночи. А потом кто спит, кто дрыхнет, кто и звонить продолжает.

И я никак не мог войти в такой ритм жизни. Не от чего либо, от того, что уже часам к десяти-одиннадцати вечера ничего не соображал. То есть соображал, но не настолько, чтоб вести умные обсуждения имеющих быть на это время событий. Так честно и говорил: «Простите, но я сейчас ничего не соображаю. (Некоторые могли думать, что я выпивши). Позвоните утром». — «А когда утром?» — «Часов в шесть-семь». Так вот, сообщаю: никто и никогда мне утром часов в шесть-семь не позвонил. И получается, что московская интеллигенция — этот сплошь ночные совы, а я — залетевший в столицу вятский жаворонок.

И в природе (ранняя роса к ведру, ранняя весна — много воды, ранняя птичка носик чистит, то есть уже покушала, а поздняя глазки продирает, утренники побили ранники, то есть весенние заморозки сгубили всходы ранних овощей, рано пташечка запела, как бы кошечка не съела...) и в жизни (раннего гостя не бойся, он до обеда; на работу рано, а в кабак самая пора; работать поздно, спать рано, а в кабак самое время; молодому жениться рано, а старому поздно; богатые раньше нашего встали, да всё и расхватали; не то беда, что рано родила, а та беда, что поздно обвенчалась; всем т а м быть, кому раньше, кому позже; такая рань — и петухи не пели...) всё в защиту рани-ранней.

Когда в детстве я или кто из братьев долго спали, мама шутила: «Проспали всё Царствие небесное», а отец выражался проще и доходчивей: «Девки-то уж все ворота обмочили».

Интересно, что тот, кто просыпался позднее, вставал и продирал глаза гораздо дольше, чем тот, кто вскакивал раньше. То есть, говоря опять же вслед за мамой, не растягивался. Хотя потянуться до хруста в суставах было очень полезно. Маленьких деточек-ползунков будили, поглаживая по спинке и животу: потянуношки-поростуношки. Незалежливых Бог любит.

Может, в слове радость напоминание о славянском божестве солнца, боге Ра. В данном случае и его можно вспомнить.

НЕ УХОДИ ОТ МИРА, он сам от тебя уйдёт. Вот такие слова произнеслись во мне вдруг, когда стоял на прощании с хорошим человеком. Может, надежды на уединение могут сбыться и в обычной жизни? Можно же идти в толпе и быть одиноким. Можно же и не бежать с другими за раздачей благ. Конечно, этому помогает радостное

чувство возраста. Да, обещают хороший заработок, но надо же и заработать его, то есть угробить часть из оставшейся невеликой жизни. И зачем? Машину не покупать, на Мальдивы не ехать. То есть старый уже. И к сединам соблазны пристаю, но уже легко с ними бороться, когда вооружён Крестом и молитвой. Душа и здоровье охраняются Причастием. Вот ещё бы так и у родных и близких.

Живёшь, живёшь и однажды чувствуешь, что мира, в обычном смысле окружающей жизни, нет. Звуки и виды его есть, люди из него приходят и телефоны трещат, но это как-то помимо. И люди уходят, и звонки заканчиваются, а ты опять один. И переставляешь ноги, идёшь к окну. Солнце какое сегодня. Или: дождь, снег. Ветер качает ветки. Вчера были они голые, а сегодня уже в новеньких бледных листочках.

А недавно сутки был вне зоны связи. Вне зоны. Это звучит.

ШТАБ ДЬЯВОЛА. Сам дьявол редко вмешивается в события обычной человеческой жизни. Он занят главным — готовит путь антихристу. Всю бесовщину в мир внедряет его дьявольский штаб. Работу ведёт и по странам и континентам, и, главное, по умам, душам, сердцам. Ссорит людей, убивает любовь, спаивает, развращает, прельщает деньгами, удовольствиями. От падения нравов производные: пошлость культуры, недоумки образования, продажность дипломатов и политиков.

На этот штаб работают и вроде бы сильно русские патриоты. Телепузикам велено и русским слово давать. Пусть пищат, визжат, хрипят, что Россия гибнет, это же музыка для дьявольских ушей.

Почему же мы терпим поражения? Мы, русские? Потому что дьявольские штабисты занимаются не глобальными проблемами, а каждым отдельным человеком. Человек рушится — остальное само собой.

У дьяволят и отпуска бывают, их хозяин об их здоровье заботится. Отпуск у них у моря, среди педерастов.

ЖЕРТВЕННАЯ КОРОВА капитала — это демократия. Любишь не любишь, ругать не смей. Эта корова давно топчется в России и по России. Вытоптала медицину, топчет школу, пыталась топтать оборону. А уж как культуру-то топчет. Пасётся на русских землях, превращая их в пустыри, затаптывает целые поселения. Когда всё вытопчет, уйдёт, оставив на память о себе наشلёпанные вонючие лепёшки. Тогда и ругать её разрешат.

Чем же страшна? Она всё меряет на деньги, на недвижимость. Она создаёт такие миражи: ты будешь жить в достатке, если употребишь свои знания для карьерного роста и своего благополучия. И что конкуренция это не сживание конкурентов со свету, а прогресс. А если они слабее, значит, мешают прогрессу. И должны осознавать.

Уйдёт корова капитала, новое животное придёт. Новый троянский конь. Введётся в Россию в дымовой завесе критики демократии. Она была не та, не так понята, а сейчас будет всё тип-топ.

То есть всегда болтовня о какой-то якобы заботе о народе, о счастье на земле. То есть постоянное забвение Бога. Разве Он не говорил, что земная жизнь это прохождение долины скорби? Что войти в Царство небесное можно только узкими вратами? Что нищий Лазарь всегда будет счастливее богатого благополучного богача?

И это дано понять всем. Но не все хотят это понять. Кто-то не может, а кто-то и не хочет. А не хотят, так что же и убеждать, время тратить?

«ТРЕЛЁБУС». ТАК говорил отец. Не троллейбус, а трелёбус. Уверен, что он говорил так для внуков, которые хохотали и поправляли его. Но они понимали, что дедушка шутит.

И вот, ушёл отец мой, мой дорогой, мой единственный, не дожил до позора августа 1991 года, а я, как ни еду на троллейбусе, всё улыбнусь: трелёбус. Еду мимо масонского английского клуба, музея Революции, теперь просто музея и мне смешно: какие же демократы самохвалы, в зримых образах хотели воспеть свои «подвиги». А что зримого показать? Нечего показать. Так нет же, нашли чего. Притащили от Белого дома (им очень хотелось, чтобы у нас было как в Америке, чтоб и Белый дом, и спикеры, и инвесторы, и ипотеки: демократы — они задолзили капитала), притащили во двор музея троллейбус в доказательство своей победы. Написали «часть баррикады». Смешно. Карикатура. Но ведь года три-четыре торчал этот трелёбус около бывшего масонского клуба. Около ленинского броневичка, якобы с него он и выступал. Ельцын Ленина переплюнул, вскарабкался, вернее, его втащили, на БТР и, хрипя с похмелья, сообщил восторженным дуракам, что демократия облапошила-таки Россию. Захмутила, задушила. Мужиковатая Новодворская и певец своих песен Окуджава в восторге. Жулики ожили, журналисты заплясали.

Победили демократы не коммунистов, они и без них бы пали, временно победили русскость. Пошли собачьи клички: префект, электорат, мэр, мониторинг, омбудсмен, модератор и особенно мерзкое полицейское слово поселение (У Гребнева: «Не народ, а население, не село, а поселение. И уходит население в небеса на поселение»).

А и как было не засЫпать нас мусором этой словесной пыли, если многие господа интеллигенты с восторгом принимали любую кличку названий предметов и должностей, лишь бы не по-русски. Хотя русские слова точнее и внятнее. Это как хохлы, лишь бы не по-москальски.

Так что и у них свои «трелёбусы».

ЭНЕРГИЯ — ДАР БОЖИЙ. Народный академик Фатей Яковлевич Шипунов много и, к величайшему сожалению, бесполезно доказывал в Академии наук и, как говорилось, в вышестоящих инстанциях необходимость замены источников энергии на природные. Затопление земель при строительстве гидроэлектростанций никогда не окупится энергией. Это поля и леса, пастбища, рыбная ловля. Что говорить о тепловых станциях — сжигание нефти, угля, дров. И уж тем более расщепление ядра — атомные станции.

— А чем же это всё можно заменить?

— Ветер, — отвечал он. — Наша страна обладает самыми большими запасами ветра. «Ветер, ветер, ты могуч», ты не только можешь гонять стаи туч, но и приводить в действие ветродвигатели.

Фатей неоспоримо доказывал великую, спасающую, ценность ветроэнергетики.

— Как бы мы ни ругали большевиков, но в смысле хозяйствования они были поумнее коммунистов. Восемнадцатый съезд ВКП(б) принял решение о массовом производстве ветроэлектростанций.

Так прямо и говорил коммунистам. Рассказывал, что в 30-е годы был создан и работал институт ветроэнергетики. И выпускались ветроагрегаты, «ветряки», начиная со стокиловаттных.

Кстати, тут и моё свидетельство. Наша ремонтно-техническая станция монтировала для села такие ветряки. Бригада три человека. Собирали ветряк дня за три-четыре. Тянул ветряк и фермы для коров и свиней и давал свет в деревню. Работали ветряки прекрасно. Да и просто красивы были: ажурные фермы, серебряные лопасти. Ухода требовали мало. Они же не просили ни нефти, ни газа, ни угля, ни дров, сами — из ничего! — давали энергию.

Думаю, что горло ветроэнергии пережала опять же жадность и злоба. Жадность нефтяных и угольных королей (как же так, обойдутся без них), и злоба к России (как

же так — прекратится уничтожение сёл и деревень, да и городов, как же так — не удастся прерывать течение рек плотинами, создавать хранилища с мёртвой водой), как же это позволить России самой заботиться о себе?

Вывод один: всё время второй половины 20-го века никто и никогда не думал о народе.

И, тем более, сейчас. Народ просто мешает правительству. Ему нужна только серая скотинка для обслуживания шахт, нефтяных вышек. У этой скотинки желудок, переваривающий любую химию, и егэ-голова. И два глаза для смотрения на диктующий условия жизни телеэкран, и два уха для выслушивания брехни политиков и для лапши.

Ветер бывает не просто могуч, он бывает сокрушителен. Ураганы и смерчи — это же не природные явления, это гнев Божий.

Что ж, давайте дожидаться его справедливого прихода.

Пушкин пишет в «Капитанской дочке»: «Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевлённым». А так оно и есть — ветер одушевлённый. «Не хотели по-хорошему использовать мои силы, так получайте по-плохому за грехи ваши. Сила у меня скопилась, девать некуда».

ПУТИ ВОСПИТАНИЯ начинались не по велению государства. При своих небольших знаниях не припомню примера симфонии государства и человека. Государство и общество, государство и партия, куда ни шло. Но человек для государства помеха, которую приходится терпеть. Особенно это видно в теперешние егэ-времена.

Пути воспитания шли так: Семья. Семья и церковь. Семья, церковь и государство. Церковь, семья и государство. Государство и остальное прикладное для него.

Ребёнка обучала семья, потом семья и церковь. А государству было выгодно оттянуть детей и от храма и от семьи на свои нужды. Когда ему было воспитывать человека, который «держит сердце высоко, а голову низко»? Легче же быть у власти, когда у подчинённых пустая голова и сытый желудок (вспомним средневековый Китай), когда человека можно дёргать за ниточки материальной привязанности к земным заботам. А вот когда церковь выращивала человека безразличного к земным благам, такой человек был земным властям страшен. Сейчас властям нужен человек всеядный в духовной ориентации.

Воспитанием решается участь человека. К чему он приклонится, что будет считать плохим, что хорошим, до какой степени будет управляем или будет мыслящим, легко ли его будет купить, перепродать, кем он будет по характеру: рабом, наёмником или сыном по отношению к своим обязанностям? Всё это решало воспитание.

Мудрость Божия видна во всём. Вот скворчки: скворец воспитывает справедливость — отталкивает прожорливого птенца и суёт червячка слабому. Видел, как кошка не пускала к блюдечку шустрого своего сыночка, пока его пушистая сестричка медленно лакала молоко крохотным розовым язычком. Или: из детства. Приехал к бабушке, помогал плотничать. Садимся обедать. Много братенников, то есть двоюродных братьев. На столе общее блюдо. Я взял ложку и тут же полез ею зачерпнуть. Братенники переглянулись, бабушка кашлянул. Я проглотил ложку и снова полез в блюдо. Бабушка вздохнул, и как ни любил меня, хлопнул своей деревянной ложкой по моему лбу. Не больно, но чувствительно. Урок на всю жизнь — не считай себя лучше других, другие тоже есть хотят, тоже едят заработанное, ты других не лучше.

Русь держалась семейными традициями. Сравним со Спартой, где государство определяло судьбу ребёнка. И что было? Культ силы, дух соперничества, порождающий в одних превосходство, в других зависть. В русских семьях старшие заботились

о младших. Равенство обеспечивалось равными наделами на пашню, рыбные ловли, сенокосные угодья. Посягательство на собственность каралось.

Христианство на Руси не унизило роль семьи, а возвысило. Семейно-кровные отношения сменились религиозно-нравственными. Христианство возвысило женщину, оставив власть мужчине. Любовь внутрисемейная осветилась и укрепилась любовью во Христе.

Образование пришло от священников. Авторитет их был недосыгаемо высок. Стоило преподобному Феодосию упрекнуть князя Святослава за весёлый пир, как всегда потом при приближении старца застолье стихало.

А князь Изяслав говорил: «Иду к старцам, колени подгибаются».

Книги были только духовными. Они же были и учебными. Евангелие, Часослов, Апостол, Послания. Конечно, обучение грамоте, чтению, письму двигалось медленно, но недостаток ли это? Чтение Псалтири — это и грамотность, и наука жизни, и постижение Божественных начал. «Летопись» Нестора, «Слово о Законе и Благодати» митрополита Иллариона можно назвать мостиком от книг духовных к светским. Но ведь и светские пронизаны христианскими истинами. «Пчела», «Измарагд», «Луг духовный», «Домострой».

Потом, со временем, как-то всё заторопилось, засутилось. Языки надо учить, ма-неры. Где эти вундеркинды, которые в три-четыре года читали, писали, сочиняли? Сломаны их жизни, эти поддержки раннего чириканья просто повредили. И детям и обществу.

Лучшая педагогика («Поучение Владимира Мономаха») — пример личной жизни. Как иконы в красном углу дома, так и пример поведения в красном углу воспитания. Вставлять раньше солнышка, молиться, заботиться о нищих, уповать на Господа. Младшие безусловно подчинялись старшим, но не слепо, сознательно, любовь питалась своей главной энергией — заботой друг о друге. Разве могло быть такое, чтобы не оставили еды для тех, кто не успел к столу?

Всегда было противоречие меж исполнением побуждений совести и страстями жизни. Совесть — духовный голос Божий в человеке — забивалась тягой к материальным благам мира.

Мнение Льва Гумилёва о благотворности татаро-монгольского ига для Руси в корне неверно. Какая благотворность, когда ордынцы — хитрейшие восточные люди сорили русских князей. В одном княжестве звонят колокола, в соседнем запрещены. В «Слове о погибели Земли Русской» говорится о «красно украшенной» храмами Руси. То есть обилие храмов, а, значит, икон, книг. Где это? И много ли домонгольских храмов? Спас на Нередице, Покрова на Нерли, Софии, Новгородская и Киевская, Успенский собор во Владимире...

И матерщина у нас от того времени. Стояли тогдашние монголы у церквей, надсмехались над православными: «Идите к своей Матери!»

Да, во все века злоба к России, к русским, как к стране и людям, стоящим у престола Божия. Это самое верное объяснение всех нашествий, ордынских, польско-литовских, наполеоновских, гитлеровских, теперешних.

Знакомый старик, боевой моряк, сказал о новых нападках на нас: «Давно по морде не получали».

То есть, начав разговор о воспитании, закончу этим грубоватым, но точным замечанием моряка. Да ведь и оно от русского воспитания, от любви к родине и от сознания своей силы. Осознание это подкреплено верой в Божие заступничество за православную Россию.

Ещё бы молиться нам покрепче да почаще.

Приятно вспомнить министра просвещения графа Уварова: «Ни одна заграничная тварь меня не учила». А скопищем швыдких-фурсенко-ливановых только такие твари и командуют. Опять же надо сохранить для истории два факта из церемонии открытия Общества русской словесности. Первый: министр просвещения всячески выхвалялся достижениями. Зал терпел. Но вот он посмел лягнуть русско-советскую систему образования. Тут зал был единодушен в своём возмущении и согнал министра с трибуны. Неужели это не доложили президенту?

И второй факт. Один из сидящих стал угодливо и медово славить Патриарха за встречу с папой римским. Святейший, немного потерпев, вежливо перебил, заметив: «Но всё-таки моя фотография с пингином имела гораздо больший успех, нежели фото с папой римским». (Аплодисменты).

Неужели это не доложили папе?

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ, зыбки, укачивание готовили будущих моряков. Как? Закаляли вестибулярный аппарат. Неслучайно в моряки посылали призывников из вологодских, вятских краёв. Где зыбки были в детстве любого ребёнка. Потом пошли коляски. Но это не зыбки, это каталки, в них не убаюкивают, а утряхивают. И что поёшь над коляской? Какую баюкалку?

Да что говорить — русская печь становится дивом даже для сельских детишек. Уже и отопление с батареями, и выпечка в газовой или микроволновой печи. Да разве ж будет тут чудо плюшек, ватрушек или пирожков. Или большущего рыбника? Нет. Это можно было бы доказать в момент снятия с пирога верхней корки, когда пар поднимается и охватывает ликованием плоти. То есть, проще говоря, ожиданием поедания.

Всё уходит. А как иначе? Мы первые предали и печки, и сельские труды.

И Сивку-бурку, вещую каурку. Желание комфортности жизни повело к её опреснению. И к бесполезности жизни. Вот сейчас старятся дети перестройки. Было им в 85-м, допустим, десять лет. Сейчас сорок и за сорок. Цели нет, пустой ум. И, воспитанная либералами, ненависть к «совкам». Сын родной в лицо мне: «Вы жили во лжи». — «А ты в чём? Ватники мы? Так ватник стократно лучше любой синтетики».

«**НЕ НА НЕБЕ, НА ЗЕМЛЕ** жил старик в одном селе». Без «Конька-горбунка» не представить детство русского ребёнка.

У меня, может, ещё найдётся, была курсовая по «Коньку-горбунку». Так как у потерянного кинжала всегда золотая ручка, то кажется, что я там что-то такое нечто выражал. Помню, что сказку часто перечитывал. Это и у старших братьев было. Астафьев знал сказку наизусть, восхищался строчками: «как к числу других затей спас он тридцать кораблей». — «К числу других затей, а?»

И вот, жена моя, бабушка моих внуков, не утерпела, купила прекрасное издание сказки. И я её перечитал. Конечно, чудо словесное. Но и очень православное. Думаю, в курсовой не обращал внимание на такие места, как: «...не пришли ли с кораблями немцы в город за холстами и нейдёт ли царь Салтан басурманить христиан... Вот иконам помолились, у отца благословились...». А вот как враг Ивана собирается на него «пулю слить»: «Донесу я думе царской, что конюший государской — басурманин, ворожей, чернокнижник и злодей; что он с бесом хлеб-соль водит, в церковь Божию не ходит, католицкий держит крест и постами мясо ест».

Постоянно встречаются выражения: «Миряне, православны христиане... Буди с нами Крестна сила... Не печалься, Бог с тобой... Я, помилуй Бог, сердит, — царь Ивану говорит... Обещаюсь смирно жить, православных не мутить... Он за то несёт мученья,

что без Божия веленья проглотил среди морей три десятка кораблей. Если даст он им свободу, снимет Бог с него невзгоду... Я с земли пришёл Землянской, из страны ведь христианской... Ну, прощай же, Бог с тобою... А на тереме из звезд Православный русский крест... Царь царицу тут берёт, в церковь Божию ведёт...» И так точно далее. Это же всё читалось, училось, рассказывалось, усваивалось впитывалось в память, влияло на образ мышления. Было это «по нашему хотенью, по Божию веленью».

И если жуткую сказку Пушкина про попа и Балду («От третьго щелчка вышибло ум у старика») внедряли, то «Конёк-Горбунок» сам к нам прискакал. Он и весело и ненавязчиво занимал свободное пространство детских умов, оставляя о себе благотворную память.

Когда спрашивают, что читать детям, надо спросить, читали ли они «Конька-горбунка». Читали? Очень хорошо. А перечитывали? Прекрасно! А наизусть выучили?

ОСЕНЬ ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМОГО. Я на телевидении, редактор Дискуссионного клуба. Всегда идём в прямой эфир. Приглашаю Кожина, чем-то ему нравлюсь, он приглашает после передачи посидеть с ним, «тут недалеко», в ресторан «Космос» После «посидения» зовёт поехать «в один дом у Курского вокзала». Там вино-чаепитие. Кожину все рады. Хозяйка вида цыганистого, весёлая. У неё большущая кошка Маркиза. Очень наглая, всё ей разрешается. Хотя хозяйка кричит: «Цыц, Маркиза, не прыгай на живот, ещё рожать буду!» Вадим Валерьянович весел тоже, берёт гитару.

— Самая режимная песня: «На просторах родины чудесной, закаляясь в битвах и труде, мы сложили радостную песню о великом друге и вожде». Так? Вставляем одно только слово, поём. — Играет и поёт: — «На просторах родины, родины чудесной, закаляясь в битвах и труде, мы сложили, В ОБЩЕМ, радостную песню о великом друге и вожде. Сталин — наша слава боевая, Сталин — нашей юности полёт. С песнями борясь и, В ОБЩЕМ, побеждая, наш народ за Сталиным идёт...». Да, друзья мои, был бы Сталин русским, нам бы ... — Не договаривает. Потом, как бы с кем-то доспаривая: — Исаковский — сталинист? Да его стихи к юбилею вождя самые народные. Вдумайтесь: «Мы так вам верили, товарищ Сталин, как, может быть, не верили себе». Это же величайший народный глас: и горечь в нём и упрёк, и упование на судьбу. А евушенки успевают и прославить и обгадить. Нет, если бы не Рубцов, упала бы поэзия до ширпотреба. Представьте: Рубцов воспевает Братскую ГЭС, считает шаги к мавзолею, возмущается профилем Ленина на деньгах, как? Ездит по миру, хвастает знакомствами со знаменитостями, а?

Тогда я впервые услышал и имя Рубцова и песни «Я уеду из этой деревни», «Меж болотных стволов красовался закат огнеликий», «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны», «В горнице моей светло»... да, та ночь была подарена мне ангелом-хранителем.

А жить Рубцову оставалось два года.

СИЛЬНО ПЕРЕУЧИВШИЙСЯ вятский студент-лингвист писал диплом о народной поэзии (Обряды, заговоры, причитания...). Когда шли примеры, то я всё прекрасно понимал, когда же студент делал какие-то к ним подводки, не понимал ничего. «Ритмизированный русский язык цикличной обрядовости сезонных трудовых и религиозных праздников в вятском диалектизированном говоре отличается от аналогичных в говорах и языках романо-германской и кельтской культур и несопоставим с конструкцией наших апофегм и морфем...». Каково?

Студент, тебе в детстве приносили подарочек с ярмарки, или презент из супермаркета?

Еду в автобусе по вятской дороге. Сзади говорят о девушке, которая собирается замуж.

— Да ещё она всё чего-то кочевряжится, будто женихов выше головы, будто в них, как в сору, роется.

— А сколько ей натикало?

— Да уж не пределе.

— А если на пределе, будь добра и за перестарка. Ещё чего-то разбирается.

— Эдак, эдак, некуда тянуть, надо выскакивать.

— Как не надо, надо. С мужиком-то наплачешься, а без него навоеешься...

И какие тут морфемы, какие фонемы? Или ты, студент, в автобусе не ездил? Или ты и твои друзья «хочут» образованность показать?

ПЛЕВОК НА ПАРКЕТЕ. Какой же молодец Победоносцев, и как неумён по отношению к нему Александр Блок («Победоносцев над Россией простёр совиных два крыла...»). Такое ощущение, что выражение «плюнь и разотри», обозначающее небрежение к какой-то неприятности, произошло вначале от Петра, потом закреплено Победоносцевым. Он выступил с каким-то заявлением, которое было жестковато для либералов, и они закудахтали: «Ах, ах, Константин Петрович, а как же общественное мнение?» Он остановился, молча плюнул на паркет, растёр плевком ногой и пошёл дальше.

Вот что такое общественное мнение. Какой молодец! Оно и до сих пор такое же. Организуемое и внедряемое. И общество такое же, выжидающее, к кому примкнуть, кто перетягивает.

НИ В ОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ нет того, что в русской. Это от своеобразия русской жизни. У нас всё одушевлено, нет неживой природы, всё живо.

У Гоголя рассуждают два кума, сколько груза может поместиться на возу. И один гениально говорит: «Я думаю (!) достаточное количество». И всё. И всё понятно.

У Тургенева в «Записках охотника». Едут, ось треснула, колесо вот-вот слетит, как-то очень странно вихляется. И когда оно (колесо) уже почти совсем отламывается, Ермолай злобно кричит на него (кричит на колесо!) и оно выравнивается.

У Бунина мужик бежит, останавливается, глядит в небо, плачет: «Журавли улети, барин!»

Кстати, о Тургеневе. Это совершенно жутко, что он пошёл смотреть на казнь. Да ещё и описал. А в «Записках охотника», лучшего из им написанного, автор очень много подслушивает.

Хотя для переводов русского книжного богатства сделал много.

ВЕСЕННИЕ РУЧЕЙКИ у нашего дома выросли вместе со мной. Они начинались от тающего снега и от капли с крыши на крыльцом. Я бросал в них щепочку и провожал её до уличного ручья, а на будущий год шёл за своим корабликом, плывущим по уличному ручью, до ручья за околицей. Он увеличивался и от моего и от других ручейков, все они дружно текли в речку, а речка в реку. Однажды в детстве меня поразило, что мой ручеек притечёт в Вятку и Каму, и Волгу. Щепочка начинает плыть по ручейку, и сколько же она проплывёт до моря? Считал, и со счёту сбивался. А как считал? Шагал рядом с плывущей щепочкой, считал время, то есть соображал её скорость, за сколько, примерно она проплывёт до Красной горы. Очень долго, может быть часа три-четыре. А за Красной горой там такие дали, такие горизонты. Может быть, думал я, год будет плыть. К зиме или примёрзнет или подо льдом поплывёт.

Когда, через огромное количество лет, узнал я от Вернадского, что вода — это минерал, что у неё есть память, я сразу поверил. Да-да, я это знал. Я же помню эту холодную

снежную воду, и как я полоскал в ней покрасневшие руки, как с ладоней падали в ручей капли и убегали от меня, и уносили жёлтую сосновую щепочку. И помнила меня эта утекающая вода. И помнила себя в виде узоров на оконном стекле. И в виде снежинок, которые взблескивали в лунную ночь и, умирая, вскрикивали под ногами.

ПРАВОСЛАВИЕ НИКОГДА не ставило задачи сделать жизнь людей легче. Для православия главное, чтоб человек стал лучше. А станет лучше, то и любая жизнь ему будет хороша.

— **ЧЕГО ГОВОРИТЬ** — вся жизнь в России с петель слетела, а мы ещё на какую-то справедливость надеемся.

— Не могла не слететь. Идеология — это псевдорелигия. У идеологии нет родины. Без корней, её и сорвало. Не люди партий (то есть частей общества), а люди целого нужны.

— И где их взять?

— Ну, нас уже двое.

— **НЕ РАДУЙСЯ — НАШЁЛ**, не тужи — потерял. Это мама всегда говорила. Это вспомнилось, когда я пережил попытку электронного ограбления. Я — образца 1941 года — дитя войны. И правительство решило нас порадовать, прибавить немножко к пенсиям. Спасибо, есть за что. За голод и холод, за верность Отечеству. Несмотря на засилие марксизма-ленинизма, терпеть которое тоже было противно. Но притерпелись, знали, что четвёрку по истории партии всегда поставят.

Так вот, звонят мне: «Вы в программе «Дети войны», вам полагается приплата к пенсии полторы тысячи рублей». Спасибо. Для Москвы это, конечно, копейки, но и то хлеб. «А для этого продиктуйте номер вашей сбербанковской карты». И я, как последний вахлак, всё продиктовал. И кодовые цифры, всё. Спасибо жене, как раз вернулась и ахнула: муженёк все секреты разглашает. Погнала в сбербанк снять деньги. А и было-то их чуть-чуть. Да ведь и их жалко.

Но что думаю: доверчив я? Да. Но доверчивость — чувство православное. А ещё бы хотелось видеть эту женщину, которая так ворковала, так радовалась за меня, за дитя войны, что мне немножко будет полечче. Из неё получилась бы эсэсовка. Грабишь стариков? Что ж ты не идёшь Чубайса грабить? То-то.

ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ и совесть, это в человеке — голос Божий. Именно Господь и именно в этом месте Вселенной вывел на свет Божий именно этого человека. Чтобы человек берёг это место. И если в этом месте теперь земля разграблена, вода отравлена, воздух загажен, то с кого спрос? С рождённого здесь. А где он? А его нет. Ему в другом месте лучше. Ну да, в армии служил, ну да, учился, женился, но не может же быть, что не болит твоё сердце о родном. И эта боль хоть как-то оправдывает тебя.

ВИДНО, НЕЧЕГО БЫЛО делать Толстому — двенадцать раз «Войну и мир» переписал. Нет, чтобы Софье Андреевне по хозяйству помочь. Вообще меня умиляют эти разговоры и труды о «работе над словом». Всегда преподносится, что это главный смысл писательства — слово. Что эти зачеркивания, вписывания, дописывания — основа познания тайны писательства. Глупость всё это. И преувеличивание писателями своей профессии. У «Серапионовых братьев», кажется, было даже такое полумасонское приветствие: «Здравствуй, брат, писать трудно». Это какое-то кокетство. Трудно, так и не пиши. Тракторист трактористу: «Здравствуй, брат, пахать трудно». Землекоп землекопу: «А копать-то, брат, трудно».

Вот он дюжину раз переписал, а несколько сотен ошибок в описание войны вляпал. Ему на них тогда ещё живые ветераны Бородинской битвы указывали. Но что до того графу. Он же творец. «Я так вижу». Да и некогда ему, ему уже «пахать подано».

В доработке есть тот момент, когда она не улучшает, а начинает портить вещь. И то можно, и то нужно сказать, а вещь разбухает. И всё вроде важно.

По объёму охваченных событий «Капитанская дочка» больше, чем «Война и мир», а по тексту меньше раз в десять-пятнадцать. А ведь как можно было расписать детство, отрочество Петруши, Пугачёва в Европе, Швабрина, вояк Оренбурга, царский двор, детство Маши Мироновой. Уж она-то бы не вляпывалась в лайф-стори, а Безухов что под ногами мешается на Бородино?

Великого рецепта жены коменданта Василисы Егоровны нет во всём Толстом. Вот он, этот рецепт спокойной жизни и совести: «Сидели бы дома, да Богу бы молились». Но и её великий пример верности мужу и Отечеству.

С АНТИЧНОСТИ стоимость письменного, произнесённого слова была очень высока. Платон («О государстве») музыку, хоровое пение, театр считал наиглавнейшим. Потом падало и падало. То есть далеко не сразу. Огромный интерес к «Словам (о полку, о законе и благодати...)», былины, жития, сказания, легенды — всё лилось на мельницу любви к Отечеству. У них античность во многом развратная (убивает детей, чтоб не мешали блудить), у нас величие сказок, мудрость пословиц, загадок.

Думаю, в общем-то все правители российские уважали литературу. Но уже (с Ивана 3-го) вторгалась и западная. Тут и русский «всепьянейший собор» Петра, заигрывания Екатерины с безбожием энциклопедистов (нет бы ей у немцев учиться, если церковно-славянскому не разумеет. Но ведь переписала же Житие преподобного Сергия), тут и «жадная толпа» у трона, обучение по европейским меркам (мерки эти сделали Европу родиной педерастов), так вот, литература из двигателя истории стала её описательницей. Что, нас «Война и мир» многому научила, что, после «Тихого Дона» кровь не полилась?

Большевики, как и цари ценили литературу. Конечно, выгибая её служение в свою пользу. Выгибать было легко, ибо «творцы» сгибались сами. Ленин-сталин-бухарин-троцкий читали и цитировали и пример подавали. Ещё даже и Хрущёв изображал усердие, рвался для реноме в Вёшенскую, а уж вот вояка Брежнев на писателей решил не надеяться, сам взялся за перо. Андропову, Черненко писать было некогда, о приготовлениях в культуре Горбачёве и Ельцине умолчим.

Читает ли Путин — сие есть тайна великая. Но поощряет пишущих. Они от восторга занимаются любимым делом — склоками, дрызгами, судами. Если сюда ещё добавить обычные их качества зависти, гордыни, то букет нынешней литературы зело ароматен.

— **БЫЛ ВЕЛИКИЙ** поэт Ермил Костров. Не зря же именно с ним, а не с графом Хвостовым Суворов дружил.

«Да здравствует Екатерина, торжеств и радостей причина! ...Слеза вдовиц, сирот вздыханье, гонимых вопль, несчастных стон, в суде обидимых стенанье, возвысятся. Предвечный трон за них Творцу и всей природе, законам, разуме, свободе обязан тот воздать ответ, кому и суд и силу властну ко благу всех, ко благу частну вручил Божественный совет...».

Это Кострова Ермила. Наш современник продолжил: «Для нас ничтожна тяжесть санкций, и зрю я близость той поры, когда америк, англій, франций правители, закончив танцы, провалятся в тар-тарары»

Эстафета в поэзии подхвачена. Дело за правителями.